



DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-4-590-612

EDN: NQFPDI

Научная статья

Феминитивы в лингвокультурном сознании носителей и неносителей русского языка

Н.А. Боженкова^{1, 2} , Н. Садивова³  

¹Государственный институт русского языка А.С. Пушкина, Москва, Российская Федерация

²Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Москва, Российская Федерация

³Прешовский университет, Прешов, Словацкая Республика

natalia.sadivova@gmail.com

Аннотация. Актуальность работы обуславливается самим объектом исследования: описание и объяснение грамматически неоднозначных позиций употребления языковых единиц, к числу которых относится и феминитивы, — одна из важнейших задач обучения будущих филологов-русистов. В силу преимущественного отсутствия в русском языке (РЯ) форм женского рода, эквивалентных форме мужского рода при именовании лиц по профессии (или их стилистической окрашенности), принципы грамматического и (или) семантического согласования таких единиц с другими членами предложения оказываются не вполне формализованными, что вызывает сложности в коммуникативной практике не только у инофонов, но и у носителей РЯ. Цель исследования — выявление и системная характеристика способов экспликации гендерной семантики лица в речевой деятельности носителей и неносителей РЯ при употреблении существительных, обозначающих профессию, звание, должность. В качестве основного метода исследования выбран констатирующий педагогический эксперимент, для оценки результатов которого использовали методы аналитического описания, компонентный анализ, квалификативный анализ и статистическую обработку данных. Материалом исследования послужил подготовленный автором Н. Садивовой текст-нарратив на русском языке, где все действующие лица относятся к мужскому полу и представлены лексемами мужского рода, тогда как респондентам предлагалось трансформировать настоящий текст с возможной заменой ряда компонентов текста на основании заданной экспериментатором отнесенности героев к лицам женского пола. Доказано, что гендерная асимметрия в наименовании женских профессий на РЯ приводит к возникновению несоответствий между узуальными и нормативными вариантами как при образовании феминитивных форм, так и при оперировании ими в контексте. Выявлены единые для носителей и неносителей РЯ продуктивные словообразовательные модели, используемые при создании феминитивов, которые можно рассматривать как узуальные инновации. Установлены 14 типов согласования членов предложения с существительными, референциально относящимися к лицам женского пола, свидетельствующие о новом осмыслении женской субъектности и грамматических возможностях ее экспликации на РЯ. Определено, что в лингвокультурном сознании носителей РЯ и инофонов-русистов очевидно фиксируется тенденция к ис-

© Боженкова Н.А., Садивова Н., 2025



This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

пользованию форм женского рода как маркера гендерной идентичности (даже в случаях, когда дериват не представляется нормативно оправданным), тогда как лингвокогнитивные стратегии согласования членов предложения с такими существительными оказываются компенсаторными механизмами сохранения гендерной семантики лица, дискурсивно-прагматически замещающими лексические и морфологические лакуны РЯ, что свидетельствует не только о новой лингвокультурной мотивации языкового выбора, но и об аксиологических детерминантах социума.

Ключевые слова: категория рода, грамматическое согласование, семантическое согласование, гендерная асимметрия, вербальная экспликация женской субъектности, узуальные инновации

Вклад авторов: Садивова Н. — анализ литературы по теме исследования, разработка материала для эксперимента и его проведение, анализ результатов исследования, написание текста статьи; Боженкова Н.А. — разработка методологии исследования и общей концепции статьи, определение принципов, цели и задач эксперимента, систематизация результатов исследования, редактирование рукописи статьи.

Финансирование. Статья выполнена в рамках проекта по государственному заданию «Лексикографическая параметризация антонимов и омонимов современного русского языка в формате нормативных словарей» (FZNM-2025-0002 № 1024091900033-8-6.2.6).

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: поступила в редакцию 16.04.2025; принята к печати 18.08.2025.

Для цитирования: Боженкова Н.А., Садивова Н. Феминитивы в лингвокультурном сознании носителей и неносителей русского языка // Русистика. 2025. Т. 23. № 4. С. 590–612. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-4-590-612>

Введение

Трансформация геополитической устроенности России в XX в. привела, как известно, к масштабным социальным изменениям. По словам Р. Гузаеровой и В. Косовой (Гузаерова, Косова, 2017: 11), массовое вовлечение женщин во все сферы общественной жизни способствовало «активному воспроизведению уже существующих коррелятов женского рода и появлению целого ряда новых номинаций лиц женского пола по профессиональной и социальной принадлежности»¹. Иначе — были созданы некие «теоретические предпосылки» для появления и закрепления языковых единиц, актуализирующих женскую субъектность в определенной профессиональной сфере. Отметим, что в русском языке (РЯ) для создания форм женского рода имеются большие словообразовательные возможности: «Русская грамматика» (Русская грамматика..., 1980) насчитывает 15 суффиксов, при помощи которых можно образовывать женский род на основе мужского, однако реальная коммуникативная практика свидетельствует, что данные «деривационные механизмы» чаще оказываются невостребованными. Неслучайно проблема «необходимости

¹ В этой связи обратим внимание на два лексикографических издания: «Толковый словарь названий женщин» (Колесников, 2002), где систематизированы номинации лиц женского пола по профессии с учетом широкого диахронического аспекта, и «Названия женщин: Дополнительный словарь» (Fiedoruszkow et al., 2006), представляющий собой расширение предыдущего реестра и сосредоточенный исключительно на феминитивах.

присутствия» феминитивных форм обсуждается не только в языкознании (Гриценко, Аликина, 2023; Гузаерова, Косова, 2017; Лаппо, Малиновская, 2020; Солтыс, 2020; Минеева, 2020; Хомицевич, 2018), но и в плоскости общественной жизни (Гриценко, Аликина, 2023; Пиперски, 2018; Фуфаева, 2018), однако единый подход к решению данной (вполне практической) задачи пока еще не выработан. Так, М.А. Кронгауз и А.А. Сомин (Кронгауз, Сомин, 2025) утверждают, что в РЯ названия большинства профессий исторически оформлены как слова мужского рода и должны использоваться в данной форме независимо от пола лица. В работе И.В. Фуфаевой (Фуфаева, 2020), напротив, представлено исследование феминитивных вариантов (с учетом исторических, структурных и социолингвистических аспектов их функционирования), однако установление «нормативности» их употребления в задачу ученого не входило². В исследовании М.А. Лаппо и Н.И. Малиновской (Лаппо, Малиновская, 2020), материалом для которого стали не только медиаресурсы, сетевая коммуникация, но и (особенно интересно) детская речь, фиксируется высокая степень языковой вариативности при рефлексии «женскости» лица и одно наименование может «образовывать» ряды из пяти-шести форм, что затрудняет выбор наиболее функционально оправданной единицы³. Вместе с тем основной фокус внимания всех авторов направлен на выявление продуктивных способов образования феминитивов, тогда как вопрос грамматически правильного согласования маскулятива с женским семантическим родом оказывается вне исследовательских интересов, а именно это, как показывает практика обучения филологов-русистов, вызывает наибольшие затруднения.

В этой связи развитием идей российской школы стали работы N. Sadivová (Sadivová, 2024a, 2024b), где была предложена таксономия, объединяющая три группы существительных, использующихся для обозначения профессии, звания или должности: 1) существительные, которые по отношению к женщинам *a priori* используются в женском роде (*актриса; невица* и т.п.) или обозначают типично женские профессии, не имеющие полных эквивалентов в мужском роде (*горничная; швея; няня* и т.п.); 2) существительные, использование которых в женском роде зависит исключительно от «предпочтений» актора (*преподаватель / преподавательница; начальник / начальница* и т.п.), или они маркируют широкую социальную группу (*студент / студентка* и т.п.); 3) существительные, которые для обозначения женщин всегда употребляются в мужском роде (*юрист; пилот; водитель* и т.п.).

Необходимость такого разделения, в основе которого лежит лингводидактическая целесообразность, обусловлена двумя принципиальными факто-

² Отметим, что в официальном дискурсе необходимость в употреблении «нестандартизированных номинаций» женского рода часто отсутствует, поскольку гендерная принадлежность обозначается посредством антропонима.

³ Неслучайно авторами подчеркивается необходимость создания актуального словаря активного типа и рассматриваются параметры описания таких единиц: значение, коннотации, сфера употребления, синонимия и вариативность.

рами: 1) от «принадлежности» к той или иной группе зависит последующее согласование членов предложения⁴; 2) именно данное неразграничение является причиной большого количества ошибок в речи не только иностранных студентов, но и носителей языка (Герасимова, 2018). Так, с одной стороны, лингвокультурная компетенция носителей РЯ (как совокупность знаний / умений и личностных качеств, приобретаемых в процессе усвоения системы культурных ценностей, выраженных в языке и регулирующих вербальное поведение), может (и должна!) считаться показателем некоего «ментального понимания» всех тонкостей согласования членов предложения с существительными каждой из групп, с другой же, в лингвокультурном сознании русскоговорящих любой языковой знак (и аффиксы в т.ч.) объективирует ценностно-смысловые компоненты, что значительным образом затрудняет образование феминитивов, несмотря на деривационный потенциал РЯ.

Цель исследования заключалась в выявлении, описании и характеристике лингвокогнитивных стратегий, применяемых при образовании феминитивов и их употреблении в речевой практике как носителями, так и неносителями РЯ, а также в квантитативном (на основе статистических данных) подтверждении гипотезы о том, что модели согласования с существительными, именующими лиц по профессии, следует рассматривать как авторскую рефлексию гендерной семантики лексемы и ее языковую экспликацию.

Методы и материалы

В качестве основного метода исследования был выбран констатирующий педагогический эксперимент, для оценки результатов которого использовали методы аналитического описания, компонентный анализ, качественный анализ и статистическую обработку данных.

Эксперимент проводился в трех группах студентов-филологов, будущих преподавателей русского языка как родного (РКР) и как иностранного (РКИ): русскоязычных, словакоязычных и синоязычных⁵. Наибольший интерес, безусловно, вызывала китайская группа: во-первых, китайский язык относится к другой (в сравнении с русским) группе языков — к языкам изолирующим (корневым), и обучающиеся РЯ сталкиваются с иными словообразовательными явлениями; во-вторых, большое количество китайских студентов изучают РЯ в связи с расширением экономических контактов с Россией, где именование лиц по профессии становится неким «лексическим» ядром. Другую целевую группу исследования составили студенты — носители РЯ, поскольку данная

⁴ Исследование, проведенное в Институте русистики Прешовского университета Словакии (Sadivová, 2024a), показало, что студенты пытались образовывать форму женского рода даже для существительных третьей групп, что было оценено автором как проявление интерференционных процессов, поскольку в словацком языке феминитивы в подавляющем большинстве случаев образуются добавлением соответствующего суффикса к существительному мужского рода.

⁵ В исследовании приняли участие русские и китайские студенты Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина (г. Москва, Россия), а также студенты Института русистики Прешовского университета (г. Прешов, Словакия).

группа наиболее подвержена воздействию разнообразных узуальных дискурсивных практик (в т.ч. медийных, где незафиксированные в словарях феминитивы применяются все чаще). Третья — словацкая группа — была включена в эксперимент для подтверждения / опровержения предварительного вывода об интерференционном влиянии «законов» родного языка на язык изучаемый. Общее количество респондентов составило 67 человек, из них 25 — русские студенты-филологи (носители языка), 22 — китайские студенты-филологи (неносители языка), 20 — словацкие студенты-филологи (неносители языка).

Материалом настоящего эксперимента (и исследования в целом) послужил подготовленный Н. Садивовой текст-нарратив на РЯ, где все действующие лица относятся к мужскому полу и представлены лексемами мужского рода (см. далее). Студентам — представителям трех языковых систем — предлагалось «переработать» настоящий текст на основании заданной преподавателем отнесенности героев к лицам женского пола (что имплицитно предполагало возможную / необходимую замену ряда компонентов текста — форму мужского рода на форму женского рода).

Результаты

Выявлен широкий спектр лингвокогнитивных стратегий, применяемых при образовании феминитивов в РЯ и их употреблении в речевой практике. Анализ эмпирического материала свидетельствует тому, что формирование форм женского рода, особенно в случаях отсутствия нормативно закреплённого варианта, представляет собой сложный процесс рефлексии гендерной принадлежности лица, именуемого по виду деятельности, в лингвокультурном сознании актора, при котором активизируются как грамматические, так и прагматико-дискурсивные ресурсы русского языка.

Установлено, что, несмотря на существующие грамматические нормы, в определенных контекстах идентификация пола референта без морфологической маркировки (в форме аффиксов или вспомогательных слов) оказывается затруднительной или вовсе невозможной. Эта проблема особенно остро проявляется в отношении существительных третьей группы, не имеющих нормативно зафиксированных феминитивных форм, в результате фиксируется множество узуальных инноваций — как в образовании собственно феминитивов, так и при согласовании с ними иных членов предложения.

Результаты эксперимента доказывают, что именно третья группа существительных «генерирует» наибольшее количество грамматических и семантических ошибок. В рамках этой группы выделили 14 различных типов согласования, что значительно превышает показатели в первой (3 типа) и второй (6 типов) группах. В ответах респондентов доминировало полное грамматическое согласование в женском роде, что указывает на устойчивое представление о необходимости гендерной маркированности в языке: в лингвокультурном сознании и носителей РЯ, и инофонов-русистов очевидно фиксируется тенденция к использованию форм женского рода (даже в случаях, когда де-

риват не представляется нормативно оправданным). Установленные модели согласования можно интерпретировать как компенсаторные механизмы, возникающие в условиях морфологических и лексических лакун: при невозможности употребления «нормативного» феминитива респонденты прибегали к вариативным стратегиям согласования, которые позволяют сохранить гендерную семантику, минимизируя при этом коммуникативные риски недопонимания.

Внимание также было уделено словообразовательным моделям, используемым при создании феминитивов. В третьей группе наибольшую продуктивность продемонстрировал формант **-к(а)** (24 % случаев), что, вероятно, связано с его относительной нейтральностью в сравнении с другими суффиксами; на втором и третьем местах оказались аффиксы **-ш(а)** (14 %) и **-есс(а)** (8 %), характеризующиеся, как правило, стилистической окрашенностью и ограниченной сферой употребления. При этом созданные респондентами феминитивные формы не зафиксированы в академических словарях (и иных официальных источниках), однако растущая частотность их использования в устной и (нередко) деловой письменной речи свидетельствует об узуальном доминировании таких вариантов.

Полученные в ходе исследования эмпирические данные и теоретические выводы демонстрируют важность комплексного подхода к изучению механизмов согласования, словообразования и лингвокультурной мотивации языкового выбора. Результаты исследования могут стать основанием как для современной лексикографической практики и актуализации грамматических аспектов методики преподавания РКР и РКИ, так и для ряда собственно лингвистических исследований в области русистики.

Обсуждение

Для проведения констатирующего эксперимента студентам предложили авторский текст-нарратив, включающий все три группы существительных, обозначающих вид деятельности человека (табл. 1):

*«Мой день начался рано. Я проснулся около семи утра и, как обычно, первым делом проверил электронную почту. Среди писем — напоминание от **моего начальника** о предстоящем совещании. Я быстро собрался и вышел из дома, где меня уже ждал **личный водитель**. По пути на работу я созвонился с **опытным юристом**, и мы обсудили детали нового контракта. День обещал быть насыщенным: в офисе предстояла встреча с **харизматичным генеральным директором** и **рассудительным аналитиком**, подготовившим отчет по текущим проектам. В обсуждении также участвовали **строгий главный редактор** корпоративного журнала и **энергичный президент** партнерской организации.*

*После совещания я заехал в кафе, где работает мой двоюродный брат — **креативный кондитер**. Он угостил меня свежей выпечкой и рассказал, что на днях к ним заходили **известный актер** и **знаменитый певец**. Оба оказались удивительно простыми в общении и охотно фотографировались с персоналом. Далее меня ждала встреча с **врачом**, который консультирует меня по вопросам здоровья. Он работает в клинике под руководством **авторитетного доктора медицинских наук, специалиста** с большим стажем. Они рекомендовали пройти обследование и меньше проводить времени за компьютером.*

На обратном пути я случайно столкнулся со **старым знакомым** — **преподавателем** университета, где я учился. Мы поговорили о науке, и он рассказал об успехах **своего аспиранта**, который сейчас активно участвует в исследовательских проектах: **студент** уже работает **молодым учителем** и планирует продолжить карьеру в образовании.

Перед магазином у дома меня остановил **охранник** — **новый сотрудник**, с которым я раньше не был знаком. Мы немного поговорили, и он рассказал, что раньше хотел стать **пилотом**, но выбрал более спокойную профессию. После разговора я зашел в магазин за продуктами. С выбором мне помог **вежливый продавец**, а на кассе работал **улыбчивый кассир**. Несмотря на усталость, у него было хорошее настроение, и мы перекинулись парой слов. Вернувшись домой, я посмотрел старые фотографии. Среди них — снимки с соревнований. Тогда я был **активным спортсменом**, а сейчас все больше времени уделяю чтению и иногда пишу стихи — в этом помогает **мой внутренний поэт**.

Так прошел еще один обычный, но насыщенный день. Иногда кажется, что каждый из нас живет сразу несколько жизней — немного **директор**, немного **юрист**, чуть-чуть **поэт** или **пилот** по духу. И возможно, в этом и есть смысл будней — находить себя понемногу в каждом человеке, с которым пересекаешься».

Таблица 1

Существительные, обозначающие вид деятельности человека

Первая группа существительных	Вторая группа существительных		Третья группа существительных	
актер певец	начальник директор специалист преподаватель аспирант студент	учитель охранник сотрудник продавец спортсмен поэт	водитель юрист аналитик редактор президент	кондитер врач доктор пилот кассир

Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Диспропорция в количестве существительных *первой* группы обосновывается самим заданием (см. классификацию Н. Садивовой). Для *второй* группы было отобрано 12 существительных, которые имеют вариативное употребление, при этом феминитивы в толковом словаре (Ожегов, 2024) не сопровождаются пометой *разг.* Третья группа представлена 10 существительными, у которых отсутствует закреплённая нормами РЯ форма женского рода, однако варианты таковой нередко используются в публицистических жанрах, в интернет-дискурсе или функционируют как разговорные / стилистически маркированные языковые единицы. Очевидно, что наибольший исследовательский интерес вызывали предложения, в которые включены существительные *третьей* группы в косвенных падежах, поскольку именно здесь наблюдается неоднозначное согласование с остальными членами предложения. Так, с теоретических позиций в РЯ следует различать два типа согласования — полное и неполное. В первом случае подчиненное слово согласуется с подчиняющим в роде, числе и падеже; предикативная связь также требует согласования сказуемого и подлежащего между собой. Во втором случае данные правила не соблюдаются: можно говорить о грамматическом (по форме) и семантическом (или референциальном) согласовании (Хомицевич, 2018)⁶,

⁶ Также принято говорить о рассогласовании по признаку рода.

при этом в предложениях с существительными в косвенных падежах, маркирующими синтаксические позиции объекта, локуса, инструмента и др., семантическое согласование запрещено, но, как показывает коммуникативная практика, оно нередко используется в разговорной речи.

Самой распространенной моделью согласования является та, при которой адъективные компоненты «демонстрируют» мужской род, а предикат (глагол) — женский, вместе с тем в ряде случаев согласование по женскому роду допустимо и для прилагательных. В этой связи А.А. Герасимова (Герасимова, 2018) предлагает выделять четыре типа прилагательных: *низкие, высокие, местоименные и кванторные*, демонстрирующие неодинаковую «потенциальность» к согласованию с существительными, называющими лиц по профессии и др.:

1) для низких прилагательных характерна несвободная сочетаемость с существительным — согласование по женскому роду для подобных прилагательных недопустимо. Это связано с тем, что, во-первых, они присоединяются к существительному *на более раннем этапе* формирования именной группы (*зубной врач; финансовый аналитик* и т.п.) и, во-вторых, их значение является идиоматизированным;

2) для высоких прилагательных, наоборот, характерна свободная сочетаемость с существительным, так как они присоединяются к нему уже *после* присоединения низких прилагательных (т.е. стоят в препозиции по отношению к низким прилагательным): в данной группе явно выделяются прилагательные-«мелиоративы», или прилагательные с оценкой «социального одобрения» (*талантливый / талантливая (главный) редактор; современный / современная (исполнительный) директор*);

3) местоименные (*твой / твоя врач*) и (4) кванторные (*всякий / всякая врач*) прилагательные присоединяются после включения высоких прилагательных — допускается согласование по женскому роду (*моя (внимательная зубной) врач*)⁷.

Отметим, что во многих источниках единственным допустимым вариантом принято считать грамматическое согласование всех компонентов в мужском роде, а распространенное в СМИ согласование с существительными мужского рода определений женского рода⁸ является ненормативным. Вместе с тем журналистские дискурсивные практики (равно как и современные художественные произведения) демонстрируют отклонения от нормы и стремление к маркированности по признаку пола. Неслучайно в академической

⁷ Необходимость данного разграничения объясняется еще и тем, что у ряда прилагательных наблюдается тенденция к согласованию по *словарному* роду существительного и маркировка женской субъектности в адъективе не всегда возможна.

⁸ В ряде случаев согласование с существительными женского рода представляется прагматически обусловленным: это касается тех определений, которые семантически могут соотноситься исключительно с лицами женского пола, тогда как использование форм мужского рода в подобных контекстах приводит к образованию алогичных конструкций (*беременный водитель*).

грамматике говорится о том, что «именно требование обозначения, т.е. необходимость сообщения о поле называемого лица, обеспечивает таким сочетаниям употребительность в современной речи» (Русская грамматика, 1980: 466), что в целом подтверждает теорию разграничения типов прилагательных А.А. Герасимовой. Представляется, что дифференциальной чертой в данном случае оказывается форма именительного или косвенного падежа: если семантическое согласование в женском роде в именительном падеже можно считать допустимым, то выражения с атрибутированными существительными в косвенных падежах следует считать нарушением грамматической системы русского языка (*с нашей любимой врачом; вчера встретил твою любимую косметолога*).

Данный тезис был проверен эмпирически: ниже представлены фрагменты трансформированных (по заданию) предложений (существительное + компоненты словосочетания / предложения, подлежащие согласованию)⁹; под каждым фрагментом текста указаны ответы студентов (выбранный ими вариант существительного (феминитив / исходная форма мужского рода) и форма согласуемого прилагательного / глагола) в их процентном соотношении (с учетом округления); группы испытуемых обозначаются соответствующими аббревиатурами — РС (русские студенты — носители языка), КС (китайские студенты — неносители языка), СС (словацкие студенты — неносители языка); звездочкой отмечены варианты феминитивов, которые можно трактовать как ошибку (недостаточный уровень владения РЯ) или же особую форму, которая пока не зафиксирована в словарях, несмотря на частотность узуального употребления¹⁰.

⁹ В скобках указана синтаксическая позиция и характеристика типа прилагательного.

¹⁰ Объем настоящей статьи не позволяет привести все ответы респондентов, поэтому в табл. 2–5 представлены трансформированные конструкции с включением существительных *третьей* группы и (частично) *второй* группы, наглядно демонстрирующие лингвокогнитивные стратегии информантов. При этом отметим ряд интересных позиций употребления существительных первой (1) и второй (2) групп, которые были учтены в общих выводах исследования. (1) **в группе РС** — сохранение формы мужского рода (*известный актер* — 4 %, *знаменитый певец* — 4 %); **в группе КС** — случаи семантического адъективного согласования в женском роде (*известная актер* — 4,5 %; *знаменитая певец* — 9 %), грамматического согласования в женском роде с узуальным / ошибочным феминитивом (*известная актерка* — 9 %; *известная актерша* — 4,5 %; *известная актера** — 4,5 %) и сохранение формы мужского рода (*известный актер* — 4,5 %; *знаменитый певец* — 5 %); (2) **в группе РС** — сохранение формы мужского рода (*студент* — 4 %; *директор* — 44 %; *мой внутренний поэт* — 24 %; *моего начальника* — 4 %; *специалиста* — 24 %), семантическое адъективное согласование в женском роде (*моя внутренняя поэт* — 4 %) и образование узуальных/ошибочных феминитивов (*директриса* — 24 %, *директорша* — 4 %; *директрисса** — 28 %; *специалистки* — 68 %; *женищины-специалиста* — 4 %; *специалисницы** — 4 %); **в группе КС** — также сохранение формы мужского рода (*директор* — 45 %; *мой внутренний поэт* — 23 %; *моего начальника* — 9 %; *специалиста* — 45 %), образование феминитивов (*директорка* — 27 %; *директриса* — 18 %; *директорша* — 10 %; *специалистки* — 55 %), семантическое адъективное согласование в женском роде (*моя внутренняя поэт* — 18 %) и грамматическое согласование в женском роде с узуальным/ошибочным феминитивом (*моя внутренняя поэтка** — 14 %); **в группе СС** — семантическое адъективное согласование в женском роде (*моя внутренняя поэт* — 10 %) и феминитивные варианты в ином процентном соотношении (*директорша* — 40 %; *директриса* — 35 %; *директорка* — 15 %; *специалистки* — 85 %; *женищины-специалиста* — 15 %).

Таблица 2

Вторая группа существительных: именительный падеж

«остановил охранник — новый сотрудник» (сказуемое; существительное второй группы в позиции подлежащего; высокое прилагательное второй группы в позиции определения; существительное второй группы в позиции определения)		
РС:	остановила охранница — новая сотрудница (80 %)	грамматическое согласование в женском роде
	остановил охранник — новая сотрудница (8 %)	грамматическое согласование в мужском роде + грамматическое согласование в женском роде (смешанное согласование)
	остановил охранник — новый сотрудник (4 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	остановила женщина-охранник — новая сотрудница (4 %)	семантическое глагольное согласование при помощи вспомогательного существительного женщина + грамматическое согласование в женском роде (смешанное согласование)
	остановила охранник — новая сотрудница (4 %)	семантическое глагольное согласование в женском роде + грамматическое согласование в женском роде (смешанное согласование)
КС:	остановила охранница — новая сотрудница (68 %)	грамматическое согласование в женском роде
	остановил охранник — новый сотрудник (18 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	остановил охранник — новая сотрудница (9 %)	грамматическое согласование в мужском роде + грамматическое согласование в женском роде (смешанное согласование)
	остановил охранник — новая сотрудник (5 %)	грамматическое согласование в мужском роде + семантическое адъективное согласование в женском роде (смешанное согласование)
СС:	остановила охранница — новая сотрудница (90 %)	грамматическое согласование в женском роде
	остановила охранник — новая сотрудница (10 %)	семантическое глагольное согласование в женском роде + грамматическое согласование в женском роде (смешанное согласование)
«помог вежливый продавец» (сказуемое; высокое прилагательное в позиции определения; существительное второй группы в позиции подлежащего)		
РС:	помогла вежливая продавщица (72 %)	грамматическое согласование в женском роде
	помог вежливый продавец (24 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	помогла вежливая продавчиха* (4 %)	грамматическое согласование в женском роде
КС:	помогла вежливая продавщица (73 %)	грамматическое согласование в женском роде
	помогла вежливая продавщица* (22 %)	
СС:	помог вежливый продавец (5 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	помогла вежливая продавщица (100 %)	грамматическое согласование в женском роде

Примечание. РС (русские студенты — носители языка), КС (китайские студенты — неносители языка), СС (словацкие студенты — неносители языка); звездочка — варианты феминитивов, которые можно трактовать как ошибку (недостаточный уровень владения РЯ) или же особую форму, которая пока не зафиксирована в словарях, несмотря на частотность узуального употребления.

Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Таблица 3

Вторая группа существительных: косвенные падежи		
«с харизматичным генеральным директором» (высокое прилагательное в позиции определения; низкое прилагательное в позиции определения; существительное второй группы в позиции дополнения)		
РС:	с харизматичной генеральной директрисой (52 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с харизматичным генеральным директором (28 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	с харизматичной генеральным директором (16 %)	частичное семантическое адъективное соглашение в женском роде
	с харизматичной генеральной директоршей* (4 %)	грамматическое согласование в женском роде
КС:	с харизматичным генеральным директором (50 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	с харизматичной генеральной директоркой* (18 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с харизматичной генеральной директрисой (18 %)	
	с харизматичной генеральной директором (14 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
СС:	с харизматичной генеральной директоршей (40 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с харизматичной генеральной директрисой (35 %)	
	с харизматичной генеральной директоркой* (15 %)	
	с харизматичной генеральным директором (10 %)	частичное семантическое адъективное соглашение в женском роде
«со старым знакомым — преподавателем университета» (существительное второй группы в позиции определения)		
РС:	со старой знакомой — преподавательницей (96 %)	грамматическое согласование в женском роде
	со старым знакомым — преподавателем (4 %)	грамматическое согласование в мужском роде
КС:	со старой знакомой — преподавательницей (100 %)	грамматическое согласование в женском роде
СС:	со старой знакомой — преподавательницей (100 %)	грамматическое согласование в женском роде
«рассказал об успехах своего аспиранта, который» (местоименное прилагательное в позиции определения, существительное второй группы в позиции дополнения; союзное слово в позиции подлежащего)		
РС:	своей аспирантки, которая (88 %)	грамматическое согласование в женском роде
	своего аспиранта, который (12 %)	грамматическое согласование в мужском роде
КС:	своей аспирантки, которая (91 %)	грамматическое согласование в женском роде
	своего аспиранта, который (9 %)	грамматическое согласование в мужском роде
СС:	своей аспирантки, которая (100 %)	грамматическое согласование в женском роде
«работает молодым учителем» (высокое прилагательное в позиции определения; существительное второй группы в позиции именной части сказуемого)		
РС:	молодой учительницей (96 %)	грамматическое согласование в женском роде
	молодым учителем (4 %)	грамматическое согласование в мужском роде
КС:	молодой учительницей (100 %)	грамматическое согласование в женском роде
СС:	молодой учительницей (100 %)	грамматическое согласование в женском роде

«был активным спортсменом» (сказуемое; высокое прилагательное в позиции определения; существительное второй группы в позиции именной части сказуемого)		
РС:	была активной спортсменкой (100 %)	грамматическое согласование в женском роде
	была активной спортсменкой (72,8 %)	грамматическое согласование в женском роде
КС:	был активным спортсменом (13,6 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	была активной спортсменом (13,6 %)	семантическое адъективно-глагольное соглашение в женском роде
СС:	была активной спортсменкой (100 %)	грамматическое согласование в женском роде

Примечание. РС (русские студенты — носители языка), КС (китайские студенты — неносители языка), СС (словацкие студенты — неносители языка); звездочка — варианты феминитивов, которые можно трактовать как ошибку (недостаточный уровень владения РЯ) или же особую форму, которая пока не зафиксирована в словарях, несмотря на частотность узуального употребления.

Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Таблица 4

Третья группа существительных: именительный падеж

«ждал личный водитель» (сказуемое; низкое прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции подлежащего)		
РС:	ждала личная водительница* (36 %)	грамматическое согласование в женском роде
	ждала личный водитель (36 %)	частичное семантическое глагольное согласование в женском роде
	ждал личный водитель (24 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	ждала личная водитель (4 %)	семантическое адъективно-глагольное соглашение в женском роде
КС:	ждала личная водительница* (95 %)	грамматическое согласование в женском роде
	ждал личный водитель (5 %)	грамматическое согласование в мужском роде
СС:	ждала личная водительница* (80 %)	грамматическое согласование в женском роде
	ждала личный водитель (20 %)	частичное семантическое глагольное согласование в женском роде
«строгий главный редактор» (высокое прилагательное в позиции определения; низкое прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции подлежащего)		
РС:	строгий главный редактор (32 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	строгая главная редакторша (24 %)	грамматическое согласование в женском роде
	строгая главный редактор (20 %)	частичное семантическое адъективное согласование в женском роде
	строгая главная редактор (16 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	строгая главная редакторка* (8 %)	грамматическое согласование в женском роде
КС:	строгий главный редактор (32 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	строгая главная редакторка* (27,2 %)	грамматическое согласование в женском роде
	строгая главная редакторша (22,7 %)	
	строгая главная редактор (13,6 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
СС:	строгая главная редакторка* (50 %)	грамматическое согласование в женском роде
	строгая главная редакторша (30 %)	
	строгая главная редактриса (10 %)	частичное семантическое адъективное согласование в женском роде
	строгая главный редактор (10 %)	

«энергичный президент» (высокое прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции подлежащего)		
РС:	энергичная президент (40 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	энергичный президент (32 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	энергичная президентка* (16 %)	грамматическое согласование в женском роде
	энергичная президентша (12 %)	
КС:	энергичный президент (50 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	энергичная президентка* (22,8 %)	грамматическое согласование в женском роде
	энергичная президент (13,6 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	энергичная президентша (9,1 %)	грамматическое согласование в женском роде
	энергичная женщина-президент (4,5 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного женщина
СС:	энергичная президентка* (70 %)	грамматическое согласование в женском роде
	энергичная президентша (20 %)	
	энергичная президент (10 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
«креативный кондитер» (высокое прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции определения)		
РС:	креативный кондитер (32 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	креативная кондитер (28 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	креативная кондитерша (28 %)	грамматическое согласование в женском роде
	креативная кондитерка* (12 %)	
КС:	креативный кондитер (36 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	креативная кондитерша (32 %)	грамматическое согласование в женском роде
	креативная кондитерка* (23 %)	
	креативная кондитер (9 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
СС:	креативная кондитерка* (75 %)	грамматическое согласование в женском роде
	креативная кондитерша (15 %)	
	креативная кондитер (10 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
«работал улыбчивый кассир» (сказуемое; высокое качественное прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции подлежащего)		
РС:	работала улыбчивая кассирша (80 %)	грамматическое согласование в женском роде
	работал улыбчивый кассир (16 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	работала улыбчивая кассир (4 %)	семантическое адъективно-глагольное соглашение в женском роде
КС:	работала улыбчивая кассирша (59 %)	грамматическое согласование в женском роде
	работал улыбчивый кассир (27 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	работала улыбчивая кассир (9 %)	семантическое адъективно-глагольное соглашение в женском роде
	работала улыбчивая кассирка* (5 %)	грамматическое согласование в женском роде
СС:	работала улыбчивая кассирша (85 %)	грамматическое согласование в женском роде
	работала улыбчивая кассир (15 %)	семантическое адъективно-глагольное соглашение в женском роде

«юрист» (существительное третьей группы в позиции подлежащего)		
РС:	юристка* (64 %)	—
	юрист (36 %)	—
КС:	юристка* (64 %)	—
	юрист (36 %)	—
СС:	юристка* (90 %)	—
	юрист (10 %)	—
«пилот» (существительное третьей группы в позиции подлежащего)		
РС:	пилот (72 %)	—
	пилотесса* (20 %)	—
	пилотеса* (4 %)	
	пилотица* (4 %)	
	авиатрисса (4 %)	
КС:	пилотесса* (50 %)	—
	пилот (45 %)	—
	пилотка* (5 %)	—
СС:	пилотесса* (75 %)	—
	пилот (25 %)	—

Примечание. РС (русские студенты — носители языка), КС (китайские студенты — неносители языка), СС (словацкие студенты — неносители языка); звездочка — варианты феминитивов, которые можно трактовать как ошибку (недостаточный уровень владения РЯ) или же особую форму, которая пока не зафиксирована в словарях, несмотря на частотность узуального употребления.

Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Таблица 5

Третья группа существительных: косвенные падежи

«с опытным юристом» (высокое прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции дополнения)		
РС:	с опытной юристкой* (68 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с опытным юристом (28 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	с опытной юристом (4 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
КС:	с опытной юристкой* (77 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с опытной юристом (14 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	с опытным юристом (9 %)	грамматическое согласование в мужском роде
СС:	с опытной юристкой* (75 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с опытной женщиной-юристом (15 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного <i>женщина</i>
	с опытной юристом (10 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
«с рассудительным аналитиком, подготовившим» (высокое прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции дополнения; причастие прошедшего времени в позиции определения)		
РС:	с рассудительной аналитиком, подготовившим (44 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	с рассудительным аналитиком, подготовившим (36 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	с рассудительным аналитиком, подготовившей (12 %)	частичное семантическое глагольное согласование в женском роде

Продолжение табл. 5

	с рассудительной аналитикессой*, подготовившей (4 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с рассудительной аналитиком, подготовившей (4 %)	семантическое адъективно-глагольное согласование в женском роде
КС:	с рассудительным аналитиком, подготовившим (36 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	с рассудительной аналитикой*, подготовившим (23 %)	частичное грамматическое согласование в женском роде
	с рассудительной аналитичкой*, подготовившим (14 %)	
	с рассудительной аналитиком, подготовившим (14 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	с рассудительной аналитикей*, подготовившим (9 %)	частичное грамматическое согласование в женском роде
	с рассудительной аналитицей*, подготовившим (9 %)	
СС:	с рассудительной женщиной-аналитиком, подготовившей (9 %)	семантическое адъективно-глагольное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного женщина
	с рассудительной аналитичкой*, подготовившей (75 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с рассудительной женщиной-аналитиком, подготовившим (15 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного женщина.
	с рассудительной аналитиком, подготовившей (10 %)	семантическое адъективно-глагольное согласование в женском роде
«с врачом, который» (существительное третьей группы в позиции дополнения; союзное слово в позиции подлежащего)		
РС:	с врачом, которая (36 %)	семантическое согласование в женском роде
	с врачом, который (36 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	с женщиной-врачом, который (8 %)	грамматическое согласование в мужском роде при помощи вспомогательного существительного женщина
	с врачихой, которая (8 %) с докторшей, которая (8 %) с врачиней*, которая (4 %)	грамматическое согласование в женском роде
КС:	с врачом, который (77 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	с врачихой, которая (18 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с врачичей*, которая (5 %)	
СС:	с врачихой, которая (60 %)	грамматическое согласование в женском роде
	с женщиной-врачом, который (25 %)	грамматическое согласование в мужском роде при помощи вспомогательного существительного женщина
	с врачом, которая (15 %)	семантическое согласование в женском роде
«под руководством авторитетного доктора медицинских наук» (высокое прилагательное в позиции определения; существительное третьей группы в позиции дополнения)		
РС:	авторитетного доктора м.н. (40 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	авторитетной доктора м.н. (24 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде
	авторитетной докторши м.н. (24 %)	грамматическое согласование в женском роде
	авторитетной докторки* м.н. (12 %)	
КС:	авторитетного доктора м.н. (41 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	авторитетной докторши м.н. (22,7 %)	грамматическое согласование в женском роде
	авторитетной докторки* м.н. (18,2 %)	
	авторитетной доктора м.н. (13,6 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде

	авторитетной женщины-доктора м.н. (4,5 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного женщина
СС:	авторитетной докторши м.н. (50%) авторитетной докторки* м.н. (35 %)	грамматическое согласование в женском роде
	авторитетной женщины-доктора м.н. (15 %)	семантическое адъективное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного женщина
«хотел стать пилотом» (сказуемое; существительное третьей группы в позиции дополнения)		
РС:	хотел стать пилотом (44 %)	грамматическое согласование в мужском роде
	хотела стать пилотом (28 %)	семантическое глагольное согласование в женском роде
	хотела стать пилотессой* (20 %) хотела стать авиатриссой* (4 %) хотела стать пилотицей* (4 %)	грамматическое согласование в женском роде
	хотел стать пилотом (45 %)	грамматическое согласование в мужском роде
КС:	хотела стать пилотессой* (41 %) хотела стать пилоткой* (14 %)	грамматическое согласование в женском роде
	хотела стать пилотессой* (75 %)	грамматическое согласование в женском роде
СС:	хотела стать пилотом (25 %)	семантическое глагольное согласование в женском роде

Примечание. РС (русские студенты — носители языка), КС (китайские студенты — неносители языка), СС (словацкие студенты — неносители языка); звездочка — варианты феминитивов, которые можно трактовать как ошибку (недостаточный уровень владения РЯ) или же особую форму, которая пока не зафиксирована в словарях, несмотря на частотность узуального употребления.

Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Кваликативный анализ ответов позволил выделить 14 типов согласования, использованных респондентами при ответах: 1) **грамматическое согласование в женском роде — 79 %**; 2) грамматическое согласование в мужском роде — 11 %; 3) семантическое адъективное согласование в женском роде (тип прилагательное ж. р. + существительное м. р. + глагол м. р. — если присутствует) — 4 %; 4) семантическое глагольное согласование в женском роде (тип глагол ж. р. + прилагательное м. р. — если присутствует + существительное м. р.) — 1,6 %; 5) семантическое адъективно-глагольное согласование в женском роде (тип глагол ж. р. + прилагательное ж. р. + существительное м. р.) — 0,6 %; 6) семантическое согласование в женском роде (тип существительное м. р. + согласуемые слова ж. р. кроме глаголов и прилагательных) — 0,5 %; 7) частичное семантическое адъективное согласование в женском роде (тип высокое прилагательное ж. р. + низкое прилагательное м. р. + существительное м. р.) — 0,6 %; 8) частичное семантическое глагольное согласование в женском роде (тип прилагательное м. р. + существительное м. р. + глагол ж. р.) — 0,6 %; 9) частичное грамматическое согласование в женском роде (тип прилагательное ж. р. + существительное ж. р. + глагол м. р.) — 0,6 %; 10) семантическое адъективное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного женщина (тип прилагательное ж. р. + женщина-существительное м. р. + глагол м. р.) — 0,6 %; 11) семантическое глагольное согласование при помощи вспомогательного существительного

женщина (тип глагол ж. р. + *женщина*-существительное м. р.) — только в рамках смешанного согласования; 12) семантическое адъективно-глагольное согласование в женском роде при помощи вспомогательного существительного женщина (тип прилагательное ж. р. + *женщина*-существительное м. р. + глагол ж. р.) — 0,1 %; 13) грамматическое согласование в мужском роде при помощи вспомогательного существительного женщина (тип *женщина*-существительное м. р. + согласуемые слова м. р. кроме глаголов и прилагательных) — 0,3 %; 14) смешанное согласование — комбинация перечисленных вариантов — 0,5 %.

Результаты экспериментального исследования свидетельствуют об очевидном доминировании *грамматического согласования в женском роде* при употреблении всех трех групп существительных (в т.ч. и в ответах носителей РЯ, даже при отсутствии закреплённой формы феминитива), при этом *грамматическое согласование в мужском роде* (сохранение исходной формы существительного) по частотности занимает вторую позицию, тогда как третью — *семантическое адъективное согласование в женском роде* (остальные из выявленных 14 типов согласования можно считать идио-высказываниями респондентов, поскольку частота таких ответов не превышает 2 %).

В аспекте морфемной продуктивности образования формы женского рода¹¹ выделяются аффиксы **-к(а)** (24 %), **-ш(а)** (14 %) и **-ес(а)** (8 %) — что предсказуемо¹², однако обращают на себя внимание дериваты с суффиксами **-иц(а)** (*пилотица, водительница*), **-ин(я)** (*врачина*), **-их(а)** (*продавчиха, врачиха*) и образование сложного существительного с включением лексемы-маркера женской субъектности (*женщина-охранник, женщина-доктор, женщина-врач, женщина-юрист*).

Сравнительный анализ ответов русских / китайских / словацких студентов-русистов позволяет утверждать, что существительные *первой группы* были употреблены в женском роде в соответствии с правилами русской речи (рис. 1): словацкие филологи последовательно использовали нормативную форму женского рода; носители языка в 96 % случаев выбрали феминитив (форма мужского рода использовалась лишь в 4 % случаев); в группе китайских русистов правильная форма женского рода была употреблена в 79,5 % ответов, в то время как мужской род предпочли 11,5 % респондентов (в 9 % случаев зафиксировано использование ошибочных или узуальных лексем, маркирующих женскую субъектность).

¹¹ Речь идет об образовании феминитивов вне первой и второй групп, где формы женского рода в целом закреплёны.

¹² Вместе с тем, учитывая нейтральный стилистический регистр текста, образование форм *докторша, редакторша, директорша* русскими студентами-филологами вызывало удивление авторов. Сюда же отнесем явные авторские окказионализмы типа *специалисница, авиатисса*.

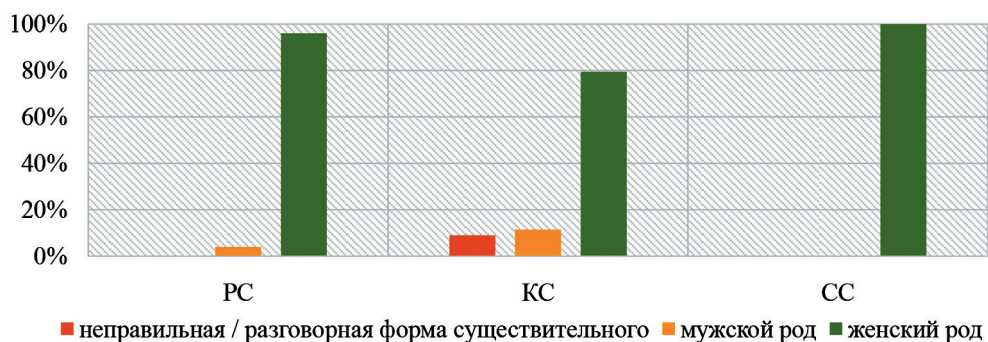


Рис. 1. Употребление существительных первой группы
Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Ответы, фиксирующие «трансформацию» существительных *второй* группы, свидетельствуют (рис. 2):

1) носители языка в 77,85 % случаев предпочли употребление нормативной формы женского рода, тогда как мужской род использовался в 17,54 % случаев (наблюдалось и смешанное употребление форм: одно из существительных — в женском, другое — в мужском роде (1,23 %), что затруднило определение доминирующего рода), ошибочные или узуальные формы феминитивов зафиксированы в 3,38 % случаев;

2) китайские студенты использовали форму женского рода в 67,45 % случаев, мужского — в 23,4 % (доля фрагментов со смешением родовых форм совпала с показателем носителей языка — 1,23 %), однако частотность употребления ненормативных / разговорных вариантов феминитивов существенно выше — 7,92 %;

3) словацкие русисты в 86,54 % случаев употребляли соответствующий феминитив, тогда как форма мужского рода встречалась в 4,23 % ответов, так же наблюдалось расхождение в использовании форм женского / мужского рода (0,77%), при этом образование новых (ненормативных) форм феминитивов составило 8,46 % словоупотреблений — наивысший показатель среди всех трех групп участников, что (с учетом флективности русского и словацкого языков) вызывает особый интерес.

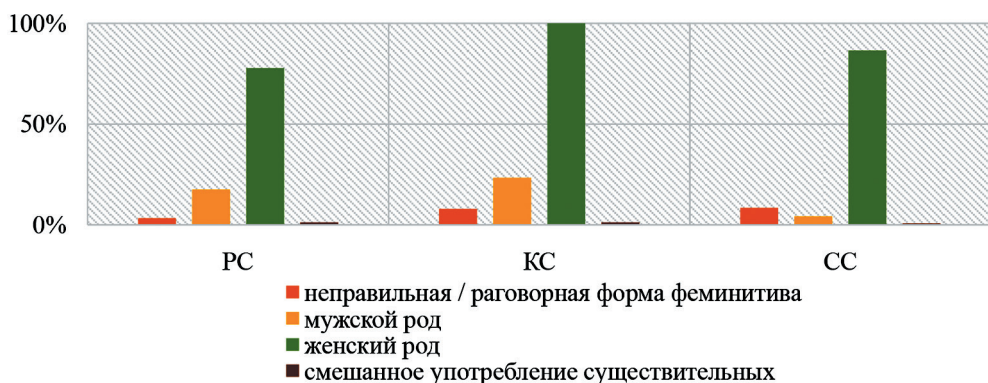


Рис. 2. Употребление существительных второй группы
Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

При употреблении существительных третьей группы носители языка в 61 % случаев предпочли нормативную форму мужского рода, тогда как в 39 % случаев были предложены узуальные / авторские варианты феминитивов. В ответах китайских русистов доля отклонений от нормы более высокая: лишь 45,7 % использовали правильную форму мужского рода, в 54,3 % случаев были зафиксированы ошибочные или разговорные формы женского рода. Словацкие филологи в 81 % словоупотреблений использовали феминитивы, не соответствующие нормам русского языка, и только 19 % ответов соответствовало правильному варианту — форме мужского рода (рис. 3).

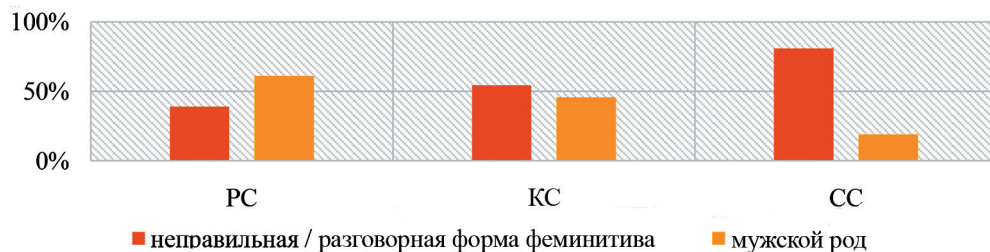


Рис. 3. Употребление существительных третьей группы

Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Однако сам факт оперирования соответствующей формой существительного или образования «нового» варианта феминитива не дает полного ответа на вопрос о способах экспликации в языковом знаке лица женского пола, поскольку женская субъектность может быть репрезентирована другими лексемами. Однако применительно к существительным третьей группы (особенно в случае их употребления в косвенных падежах!) правильным ответом принято считать *полное грамматическое согласование в мужском роде*, что было продемонстрировано меньшинством респондентов: PC — 35 %, KC — 41 %, CC — 0 % (рис. 4).



Рис. 4. Частотность правильных ответов при употреблении существительных третьей группы

Источник: составлено Н.А. Боженковой, Н. Садивова.

Особого внимания заслуживает тот факт, что доля правильных ответов китайских русистов оказалась выше, чем у русистов — носителей языка, а словацкие русисты использовали различные виды грамматического / семантического (адъективного, глагольного, адъективно-глагольного) согласования

в женском роде. Иначе — вне зависимости от того, является ли говорящий носителем или неносителем РЯ (в т.ч. и какой язык для него родной) абсолютное большинство респондентов допускают ошибки при оперировании существительными третьей группы, тогда как количество ответов, объективирующих нормативный вариант употребления существительных первых двух групп превышает 67 %. Представляется, что это не только указывает на существенные трудности в овладении правилами согласования с такого рода языковыми знаками, но и демонстрирует новые лингвокогнитивные процессы в осмыслении феномена женской субъектности.

Заключение

Результаты исследования свидетельствуют о наличии устойчивой потребности общества в *эксплицитном* выражении женского рода при именовании лиц женского пола по профессии, что отражает как актуальные социокультурные запросы, так и стремление к языковому обозначению гендерной идентичности. В то же время налицо изменение восприятия ценностно-семантических компонентов ряда феминитивных форм в лингвокультурном сознании говорящих на РЯ. Очевидно, что суффиксы, имевшие в прошлом совершенно иное значение и считавшиеся на этом основании неприменимыми для обозначения женщин в профессиональной сфере деятельности (прежде всего, существительные с формантом **-ш(а)**, который употреблялся для обозначения супруг мужчин, занимающих конкретную должность, — *судейша, генеральша, профессорша* и т.п.), сегодня воспринимаются как нейтральные маркеры (см. ответы *кондитерша, президентша, докторша, редакторша, директорша*). Одновременно «теряется» разговорный характер суффиксов **-их(а)** (*продавчиха, врачиха, повариха*, поскольку есть *ткачиха*) или «высокий» регистр суффикса **-ин(я)** (*врачиня, хирургиня, гинекологиня* по аналогии с *героиня*); расширяется деривационный потенциал суффиксов **-иц(а)** (*пилотица, водительница*) и **-есс(а)** (*аналитикесса, пилотесса*), что в совокупности, с одной стороны, оставляет вопрос правильного образования феминитивов для существительных третьей группы открытым, с другой же убеждает, что «согласовательные возможности» РЯ предоставляют актору коммуникативной практики широкое поле для выбора той или иной формы, тогда как результат данного выбора есть отражение аксиологических предпочтений современного социума.

Представляется, что дальнейшее исследование, направленное на увеличение количества респондентов (и /или включение представителей других языковых систем), может стать дополнительным подтверждением корректности сформулированных выводов. Одновременно считаем интересным проведение аналогичного эксперимента в группе преподавателей — русистов, носителей языка, но относящихся к старшей возрастной страте (логично предположить, что ее представители менее подвержены влиянию гендерного или подросткового дискурса в социальных сетях). Материалы проведенных

исследований могут определить как вектор научного поиска в области русской грамматики, так и практические задачи лексикографического описания новых единиц, находящихся в современном РЯ на стадии становления.

Список литературы

- Герасимова А.А. Рассогласование по роду в русском языке (экспериментальное исследование) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2018. Т. 77. № 1. С. 65–71. EDN: YNWVQS
- Гриценко Е.С., Аликина А.В. Гендерная тематика как инструмент позиционирования в российском дискурсе трудоустройства // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 86. С. 18–33. <https://doi.org/10.17223/19986645/86/2> EDN: TOWZAL
- Гузаерова Р.Р., Косова В.А. Специфика феминитивов в современном русском медиапространстве // Филология и культура. 2017. № 4. С. 11–15. EDN: YLSHMI
- Колесников Н.П. Толковый словарь названий женщин: более 7000 единиц. СПб. : Астрель, 2002. 607 с.
- Кронгауз М.А., Сомин А.А. Лингвистическая конфликтология: конфликтная коммуникация о языке и языковых единицах в социолингвистическом аспекте // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: гуманитарные науки. 2025. Т. 18. № 1. С. 158–177. EDN: KROOJC
- Лаппо М.А., Малиновская Н.И. Параметризация базы данных узуальных и незузуальных феминитивов // Вопросы лексикографии. 2020. № 18. С. 52–72. <https://doi.org/10.17223/22274200/18/3> EDN: SVQGRG
- Минеева З.И. Феминитивы с суффиксом -щиц(а) /-чиц(а) // Научный диалог. 2020. № 7. С. 142–157. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2020-7-142-157> EDN: WZISOS
- Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: около 100 000 слов, терминов и выражений. М. : АСТ, 2024. 1360 с.
- Пиперски А.Ч. Юристка и юристец: Лингвист о будущем феминитивов и изменениях в языке. 2018. URL: <https://philology.hse.ru/conflictology/news/217916506.html> (дата обращения: 28.06.2025).
- Русская грамматика. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / под ред. Н. Ю. Шведовой. М. : Наука, 1980. 783 с.
- Солтыс В.К. Язык блогосферы Рунета: гендерный аспект // Русистика. 2020. Т. 18. № 4. С. 454–468. <https://doi.org/10.22363/2618-8163-2020-18-4-454-468> EDN: AAWKAN
- Фуфаева И.В. Ткаха, блогерша и новая глава города. Почему феминитивы были, есть и будут органичной частью русского языка. 2018. URL: <https://knife.media/word-formation-difficulties/> (дата обращения: 20.06.2025).
- Фуфаева И. Как называются женщины. Феминитивы: история, устройство, конкуренция. М. : АСТ, 2020. 304 с.
- Хомицевич О.М. Существительные общего рода и наименования лиц по профессии (на примере русского и сербского языков) // Инновационное развитие и потенциал современной науки : материалы Междунар. (заоч.) науч.-практ. конф. 2018. С. 313–319. EDN: YQGASW
- Fiedoruszkow J., Ignasiak A., Kulpina W., Rodak A., Siemianowska U., Tatarinow W., Wawrzyńczyk J. Названия женщин. Дополнительный словарь. Warszawa : ТАКТ, 2006. 107 p.
- Sadivová N. Lingvokulturologická analýza ruských feminatív v porovnaní so slovenským a francúzskym jazykom: dizertačná práca. Prešov, 2024a. 111 p.
- Sadivová N. Miera maskulinizácie v ruskom jazykovom prostredí // 18. ŠVUK FF PU – doktorská konferencia. Zborník príspevkov. 2024b. №. 1. Pp. 4–16.

Сведения об авторах:

Боженкова Наталья Александровна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания, Государственный институт русского языка А.С. Пушкина, Российская Федерация, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, д. 6; профессор кафедры русского языка, Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана, Российская Федерация, 105005, Москва, 2-я Бауманская ул., д. 5, стр. 1. *Сфера научных интересов*: лингвистика текста, общая теория дискурса, психолингвистика, лингвокультурология, политическая лингвистика, социолингвистика и межкультурная коммуникация, стилистика, риторика, культура русской речи, лингвистические и методические аспекты русского языка в иноязычной аудитории (РКИ), русского языка и литературы в русской аудитории и др. ORCID: 0000-0002-2381-5865. SPIN-код: 1041-8120. ResearcherID: L-6652-2017. Scopus ID: 55987231400. E-mail: natalyach@mail.ru

Садивова Наталия, доктор философии, старший преподаватель Института русистики, Прешовский университет, Словацкая Республика, 08001, Прешов, ул. 17 Новембра, д. 15. *Сфера научных интересов*: методика преподавания русского языка как иностранного, сопоставительная лингвистика, социолингвистика, морфология русского языка, лингвокультурология в грамматическом аспекте, критика перевода. ORCID: 0000-0002-2946-0743. E-mail: natalia.sadivova@gmail.com

DOI: 10.22363/2618-8163-2025-23-4-590-612

EDN: NQFPDI

Research article

Feminitives in linguistic-cultural consciousness of Russian native and non-native speakers

Natalia A. Bozhenkova^{1,2} , Natalia Sadivova³  

¹Pushkin State Russian Language Institute, *Moscow, Russian Federation*

²Bauman Moscow State Technical University, *Moscow, Russian Federation*

³University of Presov, *Presov, Slovakia*

natalia.sadivova@gmail.com

Abstract. The relevance of the study is determined by the object of research. Description and explanation of grammatically ambiguous positions of the use of linguistic units, including feminitives, are important tasks in teaching future Russian philologists. The Russian language in most cases does not have feminine forms referring to people by their profession or such forms have specific stylistic coloring. Consequently, the principles of grammatical and /or semantic coordination of such units with other parts of the sentence are not fully formalized. This causes difficulties in communication both for non-native and native Russian language speakers. The aim of this study is to identify and systemically characterize the ways how gender semantics of a person is expressed in the speech of Russian language native and non-native speakers when they use nouns which denote profession, title, or position. The main research method was an ascertaining pedagogical experiment. Its results were assessed with the help of methods of analytical description, component analysis, qualification analysis, and statistical data processing. The material of the study was the text-narrative in Russian which was compiled by the N. Sadivova. The characters of the text are men, and they are represented by masculine

lexemes. The respondents were asked to transform the text according to assignment where the characters belong to the female gender. The study proved that gender asymmetry in naming professions in Russian causes inconsistencies between the usual and normative variants both in the formation of feminine forms and in their use in context. The study identified productive word-formation models which are common to both native and non-native speakers of Russian and are used to create feminitives as usual innovations. 14 types of agreement between sentence members and nouns referring to female individuals have been identified. They indicate a new understanding of female subjectivity and grammatical means for its expression in Russian. It was determined that the linguistic-cultural consciousness of native Russian speakers and non-Russian speakers demonstrates an obvious tendency to use feminine forms as a marker of gender identity even in cases where the derivative is not normatively justified; linguistic-cognitive strategies for matching sentence members with such nouns are compensatory mechanisms for preserving the gender semantics of a person. The derivatives discursively and pragmatically substitute the lexical and morphological gaps of the Russian language. This indicates not only a new linguistic and cultural motivation for language choice, but the axiological determinants of modern society.

Keywords: gender, grammatical agreement, semantic agreement, gender asymmetry, verbal explication of female subjectivity, usage-based innovations

Author's contribution: Sadivova N. preparation of material for the experiment and its conduction, data analysis, literature selection, writing and editing the text of the article. Bozhenkova N.A. research methodology and general concept of the article, formulation of goals and objectives of the experiment, systematization of research results, revision and editing of the manuscript.

Funding. The article was carried out within the framework of the project on the state assignment “Lexicographic parameterization of antonyms and homonyms of the modern Russian language in the format of normative dictionaries” (FZNM-2025-0002 № 1024091900033-8-6.2.6).

Conflict of interests: The author declare that they have no conflict of interests.

Article history: received 16.04.2025; accepted 18.08.2025.

For citation: Bozhenkova, N. A., & Sadivova, N. (2025). Feminitives in the linguocultural consciousness of native and non-native speakers of Russian. *Russian Language Studies*, 23(4), 590–612. <http://doi.org/10.22363/2618-8163-2025-23-4-590-612>